

Drzheveckij Vs. Rybnye promysly Murmana i ego kolonizacija // Izvestija Arhangel'skogo obshhestva izuchenija russkogo Severa. – 1910. – № 21.

Durov I.M. Opyt terminologicheskogo slovarja rybolovnogo promysla Pomor'ja. – o. Solovki. – 1929. – 180 s.

Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / pod red. prof. B.A. Larina. – M.: Astrel'; AST. – 1986.

Gemp K.P. Skaz o Belomor'e. Slovar' pomorskih rechenij / nauch. red. V.N. Bulatov. – M.: Nauka; Arhangel'sk: Pomorskij universitet. – 2004. – 637 s.

Il'ina E.V. Ob#ektivacija koncepta «Beloe more» v jazykovoj kartine mira pomorov (na materiale leksikograficheskogo diskursa). URL: cyberleninka.ru/.../obektivatsiya-kontseptu-beloe-more-v-yazykovoy-kartine-mirapomorov

Podvysockij A.O. Slovar' oblastnogo arhangel'skogo narechija v ego bytovom i jetnograficheskom primenenii. – M.: OGI. – 2009. – 575 s.

Slovar' russkih narodnyh govorov. Vyp. 1–46. – M.; L.; SPb.: Nauka. – 1965–2013. URL: <https://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html> (V tekste – SRNG).

УДК 81'37; 003; 81'22
81.411.2

T.B. Симашко
Tatyana V. Simashko

Ветер как явление природы в социально-культурном контексте

Wind as natural phenomenon in socio-cultural context

Аннотация: Рассматривается роль и участие ветра как природного явления в трудовой и хозяйственной деятельности, культуре и быте людей на материале систематизации контекстов, извлеченных из книги этнографа XIX века С.В. Максимова «Год на Севере». Излагаются особенности концептуализации некоторых явлений окружающей среды, времени, пространства, формирование сложных концептуальных структур на основе образа ветра. Выявляется эмоционально-оценочное отношение людей к ветру и связанными с ним другими явлениями, обладающими сложным (комбинированным) денотатом и репрезентированными посредством диалектных единиц.

Ключевые слова: концептуализация; диалектные единицы; денотативные и коннотативные признаки.

Abstract: In the given article there is information connected with role of wind as natural phenomenon in labour and economical activity, culture and way of people's life in the contexts from the book of XIX century ethnographer S. Maximov "Year in the North". Peculiarities of conceptualization of some natural events, time, space, formation of complex conceptual structures are stated on the basis of wind image. Emotional-evaluated relation of people to the wind and other phenomena having complex denotator and being represented by means of dialect units is revealed.

Key words: conceptualization; dialect units; denotative and connotative features.

Жизнь людей во многом определяется природной средой их обитания, хотя, возможно, мы и не всегда задумываемся об этом. Зато анализ языка как хранителя

знаний людей, коллективной памяти позволяет обнаружить значительное богатство сведений о неразрывной связи человека и природы, о своеобразии восприятия людьми окружающего мира на разных территориях. Наиболее полно это отражается в различных диалектах, изучение которых позволяет обнаружить, что одни и те же фрагменты действительности в разных местностях представлены избирательно, с различной степенью полноты [Маслова, 2015; Нефедова, 2008; Павлова, 2011; Севернорусские говоры, 2010; Язык и культура Русского Севера и др.]. Для жителей побережий наиболее значимым явлением природы оказывается ветер. Уже в словаре В.И. Даля, одного из первых собирателей диалектных слов, наименования ветров, бытующие на побережье Белого моря, лишь по признаку ‘направление движения ветра’ представлено 32 румбами [Даль, т. 2, с. 148], это если не считать множества их эквивалентов в различных говорах края. Современные исследователи, как и собиратели XX века, фиксируют немало слов, в которых отражаются различные качества и состояния ветра в современной речи диалектоносителей [см., например, Гемп, 2004].

Ветер на Севере, на побережье Белого и Баренцева морей, – «участник» всего жизненного уклада людей, их трудовой и хозяйственной деятельности, ветер как образ является одним из компонентов осмысления окружающей среды, времени и пространства, с ним связаны обычаи и обряды, человеческие переживания, от него нередко зависит сама жизнь человека. Информация об этом заложена во многих словах, фразеологизмах, пословицах архангельских говоров [Симашко, 2015], однако ярче всего значимость этого явления природы раскрывается в дискурсах, в записях жизненных ситуаций, в наблюдениях путешественников.

Несомненный интерес в этом отношении представляет книга С.В. Максимова «Год на Севере», который, начиная рассказ о своем путешествии с февраля 1856 г. по февраль 1857 г., подчеркивал достоверность излагаемых им событий, чему и следовал: *Так говорят факты, к тому же приводят и результаты личных внимательных наблюдений* (с. 20, здесь и далее страница приводится по [Максимов, 1984]). Добавим, что феноменальная память, благодаря которой путешественник мог воспроизводить услышанное, точность и документальность его книг не раз отмечались как его современниками, так и учеными, писавшими о нем позже. Поэтому записи этнографа-исследователя представляются ценным источником материала для изучения избранной темы. В данной статье рассмотрим, каким образом различные сферы социальной жизни и культуры Севера связываются с ветром как природным явлением.

Основное занятие поморов – морской промысел: *Море, – говорят поморы, – наше поле: даст Бог рыбу – даст Бог и хлеб* (с. 219). Думается, именно этим прежде всего объясняется разносторонняя концептуализация ветра как природного объекта.

Рассказывая о своем крае, один ямщик, везший путешественника к Онежскому берегу, замечает: *Нет в нашем море покою. Завсегда **падет** какой ни есть ветер* (с. 59). В речи поморов поражает не только исключительная дифференциация

ветра, но и умение определить его особенности и судить по ним о состоянии моря. Так, в описываемом диалоге, ямщик легко устанавливает направление ветра, в частности то, что он сменился на промежуточный (*межник*) и стал дуть между северо-восточным (*полуношником*) и восточным (*востоком*), причем ближе к последнему. По этим признакам он предположил, что на море следует ждать сильное волнение (*взводень*), и не ошибся: *<...> вон и теперь на голомянный (морской) сменился. При этих словах он повернул голову на сторону ветра и, не медля ни минуты, опять заметил: – Межник от полуношника ко востоку (ONO); ко востоку-то ближе, вот какой теперь ветер заводится. Пойдет теперь взводень гулять от этого ветра, всегда уж такой, от века* (с. 59).

На море ветер – полный хозяин, люди лишь согласуют с ним свои действия. Например, в мореходстве это определяет использование паруса, действия гребцов: *Начнется (падает, завяжется, по туземному говору) ветер – гребцы выберут весла на карбас (разновидность судна – Т.С.), наладят два косых паруса, <...> дадут свободу по воле и прихоти ветра бежать утлому карбасу по широкому, неоглядному приволью моря* (с. 162). Наступит затишье, когда *спокойно море и не заводится ни один из ветров или ходит один и вечный, но настолько слабый, что не способен даже слегка надуть парус* (Там же) – работа гребцам.

Однако когда начинается на море шторм (*взводень*) – явление особо опасное для судов того времени, то здесь уже все зависит от *кормщика* (капитана), от его умения сориентироваться в каждом конкретном случае, от его смекалки и сообразительности. Ветер невозможно укротить, но опыт кормщика, его знания способны сохранить судно и спасти людей. Описание страшных проявлений ветра, шторма в рассматриваемом источнике насыщено подробностями, наполнено наглядными образами, проникнуто чувствами и оценками как самого автора, так и мореходов. Это, конечно, объясняется тем, что С.В. Максимов не раз оказывался сам в такой ситуации. Из этих, впрочем, как и других описаний становится ясным особый характер ветров в северных широтах – их быстрая сменяемость, особенно на море и на побережье, непредсказуемость. Например, автор рассказывает о пути в Ковду: *под вечер была тихая погода, при полном солнечном свете и теплом южном ветре* (с. 168), которая клонила ко сну. Однако когда солнце село, продолжал он, *по морю ходил взводень, бросающий в наш карбас крупные, сильные волны. Всегда неугомонный и сильный полуношник (северо-восточный) заметно усиливался. Страшно было в этом полумраке, среди открытого моря* (Там же). Из-за тумана вокруг ничего не было видно. И все же кормщику удалось вывести карбас к лесистому острову, что, конечно, *многих трудов и усилий стоило гребцам* (Там же). Люди оказались в маленькой губе, по которой ходили мелкие волны и наблюдали, как *ветер крепчал ежеминутно с новой силой, лишая всякой возможности плыть дальше* (с. 168). Лишь поздним утром следующего дня, когда *ветер начал спадать, взводень как будто оседал и не пугал уже своими прежними страшными волнами* (Там же), они поспешили в путь. Хотя, пишет автор, *волны качали нас как в люльке и часто обсыпали брызгами, <...> весла гребцов часто срывались с волны и не успевали захватывать ее круче и глубже*

(Там же). Требовались значительные усилия, выдержка, чтобы продолжать путь. И только повернув в устье реки Ковды, они заметили, что, наконец, *смокнул ветер и взводень постепенно укладывался и улегся уже, вероятно, весь* (Там же).

Можно заметить, что характер силы *взводня* раскрывается параллельно с проявлением силы ветра: ветер заметно усиливался – по морю ходил взводень; смокнул ветер – взводень постепенно укладывался. Об этом свидетельствуют и другие контексты, например: *Падут ветра, – ай, как оно разгуляется! Взводнишию (волнение) такой распустит, что без нужды-то большой и не суются* (с. 56).

В областном словаре *взводень* толкуется как ‘сильное волнение в море, высоко вздымающиеся волны’ [Подвысоцкий, 2009, с. 66]. Однако для характеристики этого явления и соответственно для толкования в словаре необходим компонент ‘ветер’, который является здесь главной движущей силой. Думается, что *взводень* осмысливается как особая целостная, хотя и сложная сущность, включающая в себя такие составляющие, как ветер, волна и пыль, каждая из которых именуется в языке также отдельной единицей. Будучи сложной, комбинированной концептуальной структурой, это явление репрезентируется в языке то как единая сущность, то как «расчлененная» сознанием. Например, своей неотъемлемой частью в реальности – волнами – взводень распоряжается как объектом, возможным для отторжения от себя: он бросает в карбас *крупные, сильные волны*. Между тем представление о целостности взводня как объекта природы не утрачивается: *Гуляет по океану громадный взводень, с волнами величиною в порядочный петербургский дом* (с. 207).

Пыль – это ‘пена в море во время волнения’ [Подвысоцкий, 2009, с. 423], она появляется при очень сильном ветре, по ней определяют степень угрозы, идущей от взводня: *Экой взводнишию разворотило: сюды-нали досягнул! – Поди-ко там теперь какой ад девствует! Больно пылко... – Пыль, пыль, братец ты мой!* (с. 97); <...> *страшенная пыль в море. Вода, что бересто, словно мылом налита* (с. 244). Являясь одной из составляющих рассматриваемой концептуальной структуры, пыль, выделенная сознанием как особый объект, наделяется способностью к самопроизвольному движению. Это получило выражение в глаголе *пылеть*, т.е. бурлить, пениться, разбрасывать брызги. Общий вид шторма на море репрезентирован категорией состояния *пылко*: *Пылко стало в море, несоветимо пылко* (с. 168). Заметим, что по объему значений слова *волна* и *пыль* соответствуют литературным, лишь с той разницей, что во втором из них иная звуковая оболочка. Анализ контекстов позволяет вскрыть через сочетаемость слов, особенно с глаголами, разнообразные действия и состояния, характеризующие шторм, а также выявить эмоционально-оценочное отношение к нему.

С.В. Максимов при описании шторма на море, скорее, с целью возбудить в сознании наглядное представление панорамной картины моря, чем создать его художественный образ, использует компаративные тропы, включающие привычный для людей предмет сравнения: *море буквально кипело котлом; высокие волны бороздили его справа, ветер свистел невыносимо; одна волна, набегая слева страшной горой на самый карбас, готовая залить его, ломалась подле*

борта, словно нагибалась тут и проходила под судном (с. 240).

В то же время, чтобы донести до читателя экстремальность событий, в которые он попал и которые, отметим, составляют значительную часть жизни поморов, автор внимательно следит за настроением мореходов и откровенно выражает собственные чувства и ощущения. В одном из эпизодов, когда после длительного безветрия появились признаки ветра, все *стояли настроже в ожидании того, в какую сторону примет направление ветер* (с. 96). Наконец, стало ясно направление ветра. Кормщик, *уже превратившийся в суетливого, почувствовавшего и сознавшего трудную минуту в своем положении посреди враждебных стихий, требовал его* (брата, у которого *сильным порывом ветра вырвало из рук кливер, шкот, за что тот и получил пять-шесть ударов в спину*) *к бизани, крепко бранил* (Там же). Бранил всех по привычке *русского человека в сердцах и безмерно обиженного и приказывал тем самым совершать все необходимые действия*. Автор детально описывает, что происходит в этот момент на судне, особенно распоряжения кормщика. *Наконец, торжествующий, посреди прежнего всеобщего молчания, он сел к рулю сам, прогнавши старика следить за кливером. – Что, хозяин, теперь весело?* (спросил путешественник) – *Ну, да как не весело? Благодать! И на сердце складно*. Потом извиняется перед братом: – *Сгоряча-то ведь <...> Ладно, ну ладно, поцалуемся!*.. (Там же). Радость после безмерного напряжения, физического и душевного, охватила всех участников события.

Еще более сильный шторм застал путешественника на середине Кандалашской губы. Проснувшись от холода, он вышел на палубу, там все молчали, это *подействовало как-то смутно и тяжело* (с. 240). На вопрос, в чем дело, никто не ответил. *Неопределенный страх мой усилился. Я настаивал-таки на своем и опросил кормщика. – Пылко больно! – отвечал он мне сердито и неохотно. – Какой ветер? – Полуношник. В словах этих представилось мне столько ужаса и двусмысленности, что, помнится, сердце облилось кровью и начало биться еще сильнее* (Там же). Путешественник признается, что его чувства дошли до крайнего предела: *масса разных воспоминаний путалась в голове без связи, без порядка* (с. 241): уездный родной городок, столица, Архангельск, сёмужный забор в Умбе, лица знакомых и т.д. Когда же он, охваченный переживаниями, вышел на палубу, то увидел: каждый занимался своим делом. Кормщик *был так щедр на слова, что, казалось, в душе его затихла буря: да и была ли она? Он <...>, с любовью, крепко легши на руль и внимательно устремивши взгляд свой вперед на дальний берег, что-то высматривает и, хотя молча, справляет свою обязанность*. С ним, *казалось мне, уже можно было заговорить и не рассердить его* (с. 242). Уверенность кормщика, прозвучавшая в ответ на вопрос путешественника: *Чего страшно? Чего доедем? Известно, доедем!* – совсем изменила его настроение: *мысль об опасности пропала окончательно; даже весело было смотреть* (Там же). И все же вопрос, страшно ли было, путешественник задал кормщику еще раз на берегу в теплой комнате, на что тот ответил: *Чего страшного: так ли еще бывает? Но настойчивость путешественника вынудила к искренности: Страшно было! Два раза чуть не опрокинуло* (не опрокинуло. – Т.С.); *а все вот эти черти!* – Он указал

на улыбающихся гребцов (см. 243). Высокое мастерство кормщика, который вывел судно в этот страшный шторм, подтвердил и бывалый человек – хозяин квартиры, у которого остановился путешественник, пока в течение двух суток после их возвращения на берег *тянул потом крепкий северо-восток <...>, не пуская с места: <...>. Коршик-от у тебя золотой человек <...>. С этим человеком можно горе горевать. Другой на таком взводнишиие, да на таком крутом ветре, пожалуй, безотменно бы пустил тебя рыбу ловить* (с. 244).

Мореходство не единственное занятие, в котором ветер меряется своей силой с опытом и умением человека. Не менее опасным является и лов морского зверя. Наблюдательность, хранение знаний и опыта, переданных старшими, собственные умения – лишь это люди могут противопоставить такой сильной стихии, как ветер, да и то не всегда. Человек может сделать ветер своим помощником, например, в выборе благоприятного времени для выхода на морской промысел. Так, промысловики заметили, что *с первыми крутыми осенними ветрами: по востоку (О), полуношнику (НО) и северу (N), у берега Белого моря, покрытого уже большими ледяными припаями (примерзшим к берегу льду. – Т.С.), начинают показываться стада, юрова лысей, морского зверя из породы тюленей* (с. 33). Подгоняемые ветрами из океана стада лысей располагаются близко к берегу. Ориентируясь на эти обстоятельства, промысловики отправляются на льдины, подбираются к зверю и начинают свой нелегкий труд. В процессе лова ветер также может оказать помощь: *На этом промысле хорошо, когда сильные ветры содрут льдины к берегу. Зверю тут выхода не бывает: бежать ему некуда, воды кругом нету* (с. 37).

Однако ветер может изменить направление и нести льдины не только к берегу, но и от него. И тогда промысловики, занятые разделкой зверя на льдине, подвергаются смертельной опасности. Кстати, этот вид промысла, один из самых опасных, называется *выволочным* (с. 39) именно из-за действий ветра, который выволакивает льдины, часто вместе с людьми: *сильные ветра раздергивают лед <...> и уносят его <...> в океан на верную гибель!..* Тогда немногим из оказавшихся на льдине людей удастся прибиться к какому-нибудь острову или другому берегу. Поэтому промысловики уверены, что удача не только определяется умениями, но и *зависит от ветров* (с. 235), причем нередко.

Значимая роль ветра раскрывается и в эпизодах, описывающих лов белух. С.В. Максимов участвовал в таком лове на Онежском берегу, где белуг вылавливают больше, чем в других местах. Хозяин рассказывает о различных обстоятельствах, которые влияют на успех лова, но при этом отмечает, что *главная причина <...> не стоял бы шалоник долго; шалоник отдирает зверя. А на этого зверя пуще, чем на другого какого, ветер свою силу имеет* (с. 71). Хозяин вспоминает, как шалоник (шелоник, а на Мезенском берегу – паужник ‘юго-западный ветер’) отогнал белуху к Двинским берегам, лишив добычи. «Поморы говорят об этом ветре: *Шелоник на море разбойник, шальной ветер, без дождя мочит*» [Подвысоцкий, с. 559]. Этот ветер может принести и непоправимую беду. Так, одни из мореходов рассказывал: *Пал, слышь, шалоник бойкий и опружил*

девушку-то: потопил, значит! (с. 104). Особенности ветра учитываются промысловиками всюду. В Усть-Цильме, например, седой старик рассказывал о ловле сёмги и начал с того, что **любит она, матушка, ветры, бури, чтоб вода-то, как в котле кипела** <...>, **выходит, поднялись бури, так мы за ней и выезжаем** (с. 352). Интересно, что некоторые сорта сёмги получают наименование в соответствии с ветром и временем, когда они преимущественно дуют. Например, один из сортов – *межень*, или *межонка*, содержит тот же корень, что и ветры – *меженные*, которые дуют в летнее время. Отметим, что слово с этим же корнем обозначает и время года: *меженное – летнее время* (с. 229).

Не только на море, но и на суше ветры – значимая часть жизни людей. Ветер способен создавать и изменять облик поселений, «наталкивает» на поиск оптимальных решений при создании строений, приспособленных к местным условиям, приносит разрушения и т.д. Например, на Печоре селение Пустое, давшее название Пустозерску, вполне оправдывало свое наименование: ничего нет на том полуострове, *кроме бугров да моху, да кое-где несчастного мелкого кустарника* <...>. **Северные ветры нанесли сюда песок с берегов Печоры, нарыли глубокие ямы и подкопались под корни чахлых полярных растений** (с. 365). Да и сам Пустозерск, расположившийся на возвышенности, рассказывают жители, знающие его, естественно в любое время года, *с северо-запада засыпан песками, другая половина – болото и целые озера грязи*. <...> **Бури разрыли могилы и обнажают гробы** (Там же). Зимой путешественнику при подъезде к городку открылся сломанный острог, из-за чего *селение все осталось теперь на виду и на потеху ветров и выюг, набегавших с океана, и неоглядных снежных полей* (с. 366).

Грустное первое впечатление от Пустозерка, пишет путешественник, развеялось современным видом его и еще больше радушием и приветливостью хозяина. С ним у путешественника состоялся любопытный разговор о том, почему в городке все дома двухэтажные, да еще с балконами. Приезжий считает, что, видно, богато живут – дома красивые, высокие, теплые. Но у хозяина совсем иное объяснение. Оттого двухэтажные дома и ставни на окнах, что <...> *ину пору крепкие хивуса живут: нагребают они тебе снегу сажени на две и больше, пожалуй, до самых-то вон до балконцев, что кругом дома обходят*. <...> **прибежит, видишь, ветер с окяна на снежные наши палестины, начнет дурить, сметать снег охапками, да погонять его все дальше да больше, да поддувать все крепше да круче**, <...> **и валит до самых балконцев, и оконницы начнет расшатывать и стекла все, пожалуй, поломают; а мы запремся кругом ставнями, и засовы закрепим, и огонь разведем** (с. 376). Таким образом, выясняется, что не эстетические критерии использовались при постройке домов, а вполне прагматические – защититься от страшных хивусов. Хозяин эту речь заканчивает так: *ты хоть три дня тут себе благуй, а мы посидим, побеседуем промеж себя, переждем тебя* (Там же).

Такие метели бывают не только в Печорском крае, но и на Груманте (Шпицбергене), куда, как предполагает исследователь Арктики, капитан дальнего плавания К.С. Будигин, уже с XII–XIII веков ходили русские мореплаватели [Бадигин, 1953, с. 267, с. 273]. Там было немало промысловых избушек, в которых

в случае бедствия на море можно было переждать непогоду, хотя по воле случая некоторым приходилось жить на Груманте по нескольку лет. Из одного рассказа путешественник узнал, что там *в особенности докучны были метели, которые длились дней по десяти и засыпали избушку так, что во все это время из нее, через двери, не было ни ходу, ни лазу. Когда стихали пурги, единственный выход из избушки – в потолочное отверстие* (с. 50).

Сила ветров и практически постоянное их проявление в русских северных широтах можно считать одним из значительных фактором, причиняющим урон хозяйству и постройкам, где бы то ни было. Например, говоря об Усть-Цильме, автор замечает: *Дома все до единого расшатало бурными ветрами со стороны моря и огромной Большеземельной тундры, всеми пургами, хивусами, замятелями, куревом* (с. 357).

Во время таких метелей оказаться на улице, в незащищенном месте очень опасно. Нередки хивуса на Мурмане, т.е. на том берегу океана, который протянулся от Белова моря на запад мимо Колы к норвежской границе: *Снег носится целыми тучами с одного места на другое, подрывая бегущих на лыжах и сбивая с ног собачонок, ежеминутно грозя засыпать все это высоким снежным курганом* (с. 198). И если нет никакой избушки, то одно спасение: перевернуть вверх дном чунки (сани для езды на оленях), *лечь под них, предаваясь воле Божьей, и пережидать, пока ветер перестанет раскачивать чунку и нагребать на нее сугробы* (с. 198). Как рассказывают местные жители, некоторые и не доживали в таких укрытиях до конца непогоды.

Об этом страшном явлении известно всем северянам. Обсуждая снаряжение при сборах на Печору, ямщик сказал: *Не хватило бы только тебя, паря, хивуса на дороге-то... – Это что же еще такое: хивуса?* (с. 339) – спросил путешественник. Все присутствующие пытались объяснить, что это такое: *Хивуса эти, вишь... поиному бы тебе молвил: падь экая; рянда; чидега; курево; замятель* – каждый называл по-своему. Однако слушатель не понимал, и тогда ему рассказали: *Все вместе, все вместе: снег тебе сверху идет – одно это. Опять другое: ветер метет тебе снизу и с боков, снег закидает. Ничего тебе не видно и ехать нельзя: лошади столбняком так и встанут, бревном ты их не спихнешь с места, не токмо плетью: самое такое поганое дело!* (Там же).

Слова *хивус* и приведенные другие диалектные наименования, как и единицы литературного языка – *пурга*, *вьюга*, отражают особую выделенную сознанием целостную сущность, сформировавшуюся как комбинированный (сложный) денотат. Лишь в совместном проявлении всех компонентов (в данном случае – сильный ветер, обильный снег, значительный мороз) комбинированный денотат вполне соответствует реальному явлению природы (референту). В диалектном языке (в соответствии с понятием [Апресян, 1974, с. 122–123]), как показывают наблюдения, слов с комбинированным денотатом немало. И это, естественно, потому что важность для населения той или местности типичных состояний природы, которые определяются несколькими свойствами в их одновременности и

совокупности, приводит к появлению слов, в значениях которых отражаются эти представления, такие единицы закрепляются в языке и хранятся в памяти. Хорошее знание жителями Севера особенностей ветра, осознание его роли в формировании особых состояний среды или погоды приводит к возникновению слов на основе комбинированной (сложной) концептуальной структуры.

Наблюдение за поведением ветра, осознание его связей с другими объектами мира ведет к их систематизации на тех основаниях, которые представляются людям, надо полагать, наиболее существенными. В такой обыденной (повседневной) категоризации отражается «привязка» разных видов ветров к различным явлениям. Так, разные виды ветров связываются с определенным временем года и одновременно с учетом их продолжительности, например, на побережье Белого моря осенью и зимой, причем беспрестанно дуют морские ветры – северный, северо-восточный и восточный, часто *не только по целым дням, но даже и по целым неделям* (с. 93). Тогда как летом, напротив, дуют непостоянные ветры – меженные (промежуточные), которые, случается, *обойдут кругом по всем румбам компаса* (Там же). Правда, такое деление, скорее, стоит понимать лишь как относительное, потому что календарное членение времен года вряд ли на какой-либо территории Архангельского края соответствует типичному представлению о погоде. Так, в Архангельске уже в августе *морские ветры отдают крепким осенним холодом* (с. 213), а на Коле летом *вдруг тебе ни с того, ни с сего падает ветер северный и надевай теплую шубу, хоть поутру и в рубахе по городу ходил* (с. 187). Связь той ли иной разновидности ветра с определенным временем года показывает лишь замеченные закономерности этого изменчивого по сути явления.

Как и в литературном языке, в диалектах корни слов, называющих разные виды ветра, те же, что и в словах, обозначающих стороны света: *северный* – север, *юго-восточный* – юго-восток и т.д. Такой же способ концептуализации, отражающий направление движения воздуха, ветра, и пространственное членение, наблюдается и в диалектах: *идет красный денек вперед да вперед, идет красное солнышко своим чередом по ветрам*. Отметим, что, в отличие от литературного языка, в архангельских говорах сторона света и разновидность ветра выражены только именами существительными: *обедник* (юго-восток); *лето* (юг); *побережник* (северо-запад) и т.д. Знание рассмотренных соотношений и выучка морехода позволяет с высокой точностью определять время. Приведем пример. Кормщик, беседа с путешественником, сам себе задает вопрос о времени и отвечает: *по-нашему, надо быть, девятый на исходе, коли бы не десятый в начале* (с. 238). Путешественник проверил, было полдевятого. *Отчего ж ты угадал?* – полюбопытствовал он. *А вишь, солнце-то в побережнике* (NW), *немного подалось к межнику на север* (Там же).

Существенное участие ветра в передвижении судов того времени привело к осмыслению его фактора времени. Направление ветра предопределяет время, за которое может пройти судно некоторое расстояние. Рассказывается история, когда промысловики попросили прислать за ними судно, рассчитав время пути с учетом того, что ветры дуют с берега на море. Но оно не приходило. Люди стали рас-

суждать: *Надо бы судну придти, потому ветра все с берегу, горные падают, а по ветру с Печоры до Матки* (Новая Земля – Т.С.) *на парусах всего три дня ходу: так всегда!* (с. 388). Когда пошел четвертый день четвертых суток, они забеспокоились, и один из них пошел к морю, посмотреть, нет ли парусника: *а самому и невдомек, что ветер не вечерошний тянет. Подставил я ему щеку, встоком сказался – ветром тем непутным, что из самой-то голомяни от веков тянет* (с. 389). Ветер из голомяни – из морской дали – не попутный, если идти от берега, а встречный, а значит, и расчет не верен. Судно пришло лишь через год, но не все промысловики его дождались, зимуя на суровой Новой Земле.

Диалектный язык содержат сведения о традиционном укладе жизни, который, как известно, отличался строгим распорядком для работы и отдыха. Наименование ветра, стороны света и времени сошлись здесь в одном слове. Это видно из распорядка, которым делится с путешественником один из его собеседников. Приведем несколько таких слов. Для каждой *выти* (еды) было обозначено свое время: в *обедник* – солнышко на юго-востоке (9 часов утра) – первая *выть*: *береговые наши терские обедать садятся*; вторая *выть* – в 3 часа, *шалоник* (юго-запад), третья *выть* – в 9 часов, *побережник* (северо-запад). Рассуждая далее об ином порядке еды на Мурмане, рассказчик замечает: *мы, береговые, в межниках еще сверж сыта пообедаем, когда межник от лета ближе к шалонику (2 часа), или когда межник от запада ближе к шалонику (4 часа)* (с. 239).

Анализ контекстов показывает, что зачастую в отрыве от ситуации, а значит, и главного субъекта, с позиции которого она рассматривается, трудно оценить ветер, поэтому их практически нельзя разделить с учетом общей оценки: плохой / хороший. Любой из ветров может оказаться благоприятным или неблагоприятным для людей в той или иной конкретной ситуации. Например: *Резкий, довольно свежий ветерок, морянка, время от времени (духами – как говорят здесь) начинал веять в лицо и даже заметно разгонял мириады комаров* (с. 54); но кормщик, измученный безветрием, жалуется мореходам встречного судна: *У нас так вольненькая морянка все тянет, так... легонькая. Третьи вот сутки от Онеги иляндаем...* (с. 92).

Наблюдательность, умение сопоставлять и соотносить различные явления природы, запоминать установленные связи привело к созданию целого свода эмпирических правил, помня которые можно облегчить свое существование на бескрайних и суровых просторах Севера. Слушая разные истории местных жителей, автор обобщает то, что сам много раз слышал от них: *во всех этих плаваниях поморы ходят по вере, по старым приметам, замеченным или самими, или переданным от отцов или бывалых людей* (с. 283).

Примечать детали и запоминать их учатся с детства. Путешественник не раз отмечает, что местные жители сразу видят самое маленькое облачко, самое дальнее колыхание в море, ведь любая деталь может оказаться важной. *За поморами, хотя бы даже и в очках, – подтрунивая над собой, пишет автор, – не угоняешься: они очень зорки и далеко видят ясно, благодаря безграничному горизонту моря, на котором с малых лет развивается их зрение* (с. 100). Кормщик Егор заметил

теменцы – дальнее облачко и сразу стал предсказывать, что может случиться, если оно появляется на море, а что – если в горах (на берегу), например, завязалась темень на береговой стороне и *кажет словно молочная, да зачернело оттуда море синей полосой, – быть ветру, и крепкому ветру.* <...> *Это предсказание сбылось как нельзя вернее и лучше* (с. 101). На восхищение путешественника – *Зорок же, брат, ты и догадлив!* – по ответу Егора заметно, что эти слова он не отрицает, но относит ко всем промысловикам и мореходам: *Нам нельзя без того. Слепым-то у нас и на печи места много. Близорук в море будешь, так и нос расшибешь* (Там же). Правда, нередко приметы лишь информируют, ведь даже зная, что приближается ветер, не всегда с ним можно справиться: *коли крепко на востоке небесья чернетью затянет – ветер падет крутой с пылью; да как усноровиться-то, как?* (с. 199).

Значительным объемом в рассматриваемом тексте представлены ритуалы и заклинания, связанные с ветром, свидетелем многих из которых был автор. Все они мотивированы конкретной ситуацией и эмоциональным состоянием людей. Например, автор рассказывает, как уже третьи сутки стояло полное безветрие, шли медленно, все устали, даже хозяин (кормщик) был *утомлен и озадачен безысходностью положения* (с. 95). Выйдя на палубу, путешественник поймал хозяина на каких-то непонятных действиях: *Долго, долго смотрел он против ветра и крутил головой, как будто сердился; затем снял шапку, похлопал себя по лбу и стал зачесывать вихор на правый висок. Опять похлопал себя по лбу и засвистал. – Что это ты делаешь? – Ветер хочу раздражить: вишь, ведь, чтоб его!.. – Как будто он тебя послушается?* (Там же). Любопытен ответ кормщика, в котором, заметна и осторожная вера в то, что не напрасны все эти действия, и, может быть, эмоциональная разрядка, которая так необходима в сложившейся напряженной ситуации: *Хозяин задумался было, но вскоре спохватился: – Бывало, и слушивался; а коли и не так, так все как-то на сердце легче, как будто и сделал свое дело-то... Совсем напротивел, – свищи, старик! Старик, также охотно и сохраняя ту же важность выражения в лице, хлопал себя по лбу, присвистывал и дразнил ветер* (Там же). И ему, как он сказал, стало легче.

Описаны ритуалы и для отгона нежелательного ветра, внезапно налетевшего; и действия гребцов, которые бросают весла, чтобы не дразнить попутный ветер; и как жёнки (женщины, жёны) целыми селениями и каждая в отдельности молятся всем крестам, *которыми так богаты все беломорские побережья* (с. 217); потом идут к морю *дразнить ветер, чтобы не серчал* (Там же), *бьют поленом флюгарку* (флюгер – Т.С.), *чтобы тянула поветерь* (попутный ветер) и совершают много других действий. В книге рассказываются истории о том, как люди объясняют разные болезни *напуску с ветру* (с. 176) и что можно *выгнать эту болезнь при посредстве заклинаний на ветры и на четыре стороны* (с. 177).

Осмысливается ветер широко, разнообразно и противоречиво. В данной статье намечены лишь некоторые особенности, отражающие включенность природного явления во все сферы жизни людей одного из природных явлений – ветра. Изучение ситуаций, описанных в рассматриваемой книге, показывает, что ветер – самый непосредственный их участник и действующий субъект. Люди так к нему и

относятся, радуются, когда он помогает, огорчаются и сердятся, когда он вредит, творчески сообразуют с ним свои действия и поведение. Используют весь запас знаний, полученных от предков, и опираются на свой опыт, чтобы противостоять ему. Важно все же то, что как бы люди ни оценивали ветер в разных конкретных ситуациях, закрепилось к нему почтительное отношение, например, в безветрие гребцы обращаются к ветру с такими словами: *Батюшко, припади!* (с. 143). *Батюшко*-ветер – в этих словах и признание одной из могущественных стихий мира и надежда на него.

Библиографический список

- Аванесов Р.И.* Русская литературная и диалектная фонетика. – М.: Просвещение. – 1974. – 287 с.
- Бадигин К.С.* Русские северные мореходы // Путь на Грумант. – М.: Молодая гвардия – 1953. – 333 с.
- Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. – М.: Наука; Архангельск: Помор. ун-т – 2004. – 637 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык – 1978. – Т. 1. – 699 с.
- Максимов С.В.* Год на Севере. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство. – 1984. – 605 с.
- Маслова М.Н.* Основные тенденции развития русской метеорологической лексики // Мова. Свідомість. Концепт: зб. наук. праць / відп. ред. О.Г. Хомчак. Мелітополь: МДПУ ім. Б. Хмельницького, 2015. – Вип. 5. (Язык. Сознание. Концепт: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.Г. Хомчак). Мелітополь: МГПУ ім. Б. Хмельницького. – 2015. – Вып. 5. – С. 102–104.
- Нефедова Е.А.* Лексико-семантическое варьирование в пространстве диалекта: автореф. ... д-ра филол. наук. – М. – 2008. URL: <http://flatik.ru/leksiko-semanticheskoe-vareirovanie-v-prostranstve-dialekta-index-3>
- Павлова А.В.* Поморская гидрографическая лексика в синхронии и диахронии: автореф. ... канд. филол. наук. – Архангельск. – 2011. – 23 с.
- Подвысоцкий А.О.* Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – М.: ОГИ. – 2009. – 576 с.
- Севернорусские* говоры: межвуз. сб. / отв. ред. А.С. Герд. – СПб: Филологический факультет СПбГУ. – Вып. 11. – 2010. – 168 с.
- Симашко Т.В.* Лексикографирование единиц денотативных классов // Русская лексикография вчера, сегодня, завтра: монография / гл. ред. А.А. Камалова. Научная серия «Современная русистика: направления и идеи». – Т. VII. – Олштын. – 2015. – С. 124–149
- Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира: сб. тр. / сост., отв. ред. Т.В. Симашко. – Архангельск. – 2013. – 416 с.*

References

- Avanesov R.I.* Russkaja literaturnaja i dialektnaja fonetika. – M.: Prosveshhenie. – 1974. – 287 s.
- Badigin K.S.* Russkie severnye morehody // Put' na Grumant. – M.: Molodaja gvardija – 1953. – 333 s.
- Gemp K.P.* Skaz o Belomor'e. Slovar' pomorskih rechenij. – M.: Nauka; Arhangel'sk: Pomor. un-t – 2004. – 637 s.
- Dal' V.I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. – M.: Russkij jazyk – 1978. – Т. 1. – 699 s.
- Maksimov S.V.* God na Severe. – Arhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo. – 1984. – 605 s.
- Maslova M.N.* Osnovnye tendencii razvitija russkoj meteorologicheskoj leksiki // Mova. Svidomist'. Koncept: zb. nauk. prac' / vidp. red. O.G. Homchak. Melitopol': MDPU im. B. Hmel'-nic'kogo, 2015. – Vip. 5. (Jazyk. Soznanie. Koncept: sb. nauch. tr. / отв. red. E.G. Homchak). Meli-topol': MGPU im. B.

Hmel'nickogo. – 2015. – Вып. 5. – С. 102–104.

Nefedova E.A. Leksiko-semanticheskoe var'irovanie v prostranstve dialekta: avtoref. ... d-ra filol. nauk. – М. – 2008. URL: <http://flatik.ru/leksiko-semanticheskoe-vareirovanie-v-pros-tran-st-ve-dialekta-index-3>

Pavlova A.V. Pomorskaja gidrograficheskaja leksika v sinhronii i diahronii: avtoref. ...kand. filol. nauk. – Arhangel'sk. – 2011. – 23 s.

Podvysockij A.O. Slovar' oblastnogo Arhangel'skogo narechija v ego bytovom i jetnogra-ficheskom primenenii. – М.: OGI. – 2009. – 576 s.

Severnorusskie govory: mezhvuz. sb. / otv. red. A.S. Gerd. – SPb: Filologicheskij fakul'tet SPbGU. – Вып. 11. – 2010. – 168 s.

Simashko T.V. Leksikografirovanie edinic denotativnyh klassov // Russkaja leksikografija vchera, segodnja, zavtra: monografija / gl. red. A.A. Kamalova. Nauchnaja serija «Sovremennaja ruis-tika: napravlenija i idei». – Т. VII. – Ol'shtyn. – 2015. – С. 124–149

Jazyk i kul'tura Russkogo Severa: k voprosu o regional'noj jazykovej kartine mira: sb. tr. / sost., otv. red. T.V. Simashko. – Arhangel'sk. – 2013. – 416 s.

УДК 81'37; 003; 81'22

ББК 81.411.2

М.Н. Маслова

Marina N. Maslova

Синтагматическая основа структуры специальных наименований денотативного класса <ветер>

Syntagmatic basis of special names structure of denotative class <wind>

Аннотация: Статья посвящена вопросам формирования структуры и стабилизации формы выражения специальных наименований с денотативным компонентом «ветер» в период становления терминологических систем. Через описание синтагматического окружения имени *ветер* в текстах конца XVII–XVIII веков выявляются устойчивые воспроизводимые составные конструкции, репрезентирующие концептуальные признаки атмосферного явления ветер, на этапе становления языковой формы специального наименования.

Ключевые слова: синтагматическая структура; составная конструкция; специальное наименование; терминологическое значение.

Abstract: The article is devoted to the problems of structure formation and stabilization of expression form of special names with denotative component «wind» during the period of terminological systems formation. Compound set structures that represent conceptual features of wind are revealed by means of syntagmatic items of component *wind* in the texts of XVII–XVIII centuries on the phase of linguistic form formation of special name.

Key words: syntagmatic structure; compound structure; special name; terminological meaning.

Конец XVII–XVIII века в истории языка представляет период, когда под влиянием социально-экономических, политических и культурных факторов начинают формироваться основы специальных лексических систем. Устоявшихся, в современном понимании, терминологий еще не было. На основе сложных лексико-